

«ВТОРАЯ КУЛЬТУРА»

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ ЛЕНИНГРАДА

в 1970–1980-е годы

Материалы международной конференции
(Женева, 1–3 марта 2012 г.)

Составление и научная редакция
ЖАН-ФИЛИП ЖАККАР
ВИОЛЕН ФРИДЛИ
ЙЕНС ХЕРЛЬТ

Редактор
ПЕТР КАЗАРНОВСКИЙ

Санкт-Петербург
Издательство «Росток»
2013

Кафедры русской литературы Женевского университета
и Фонда «Нева» (Женева)

837
«Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы: Материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / Сост. и науч. ред.: Ж.-Ф. Жаккар, В. Фриди, И. Херльт; Ред.: П. Казарновский. — СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. — 480 с.; ил., табл.
ISBN 978-5-94668-127-8

В настоящем сборнике представлены доклады, прозвучавшие на международной конференции «Вторая культура. Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы», проходившей в марте 2012 г. в Женеве. В книге рассматривается жизнь и поэтика представителей андеграунда, например таких как Е. Шварц, В. Кривулин, С. Страгановский, В. Эрль, Исследования, вошедшие в книгу, дают толчок для дальнейшего изучения неофициальной литературы в контексте русской и мировой культуры XX века. Замыкают книгу стихотворения, прозвучавшие на авторских чтениях, которые проходили в рамках конференции, и другие тексты.

Книга адресована всем интересующимся историей русской неподцензурной литературы.

УДК 821.161.1-091
ББК 83.3(2Рос=Рус)6.5

Оформление переплета Александра Флоренского

© Université de Genève, 2013
© J.-Ph. Jaccard, V. Friedli, J. Herlitz, 2013
© Авторы статей, 2013
© Изд. «Росток», 2013

на филологическое знание, на филологический образ видения мира и языка. Эта установка на преемственность, характеризующая, в той или иной степени, почти все творчество «второй культуры», стала предметом разностороннего обсуждения. В частности, был поставлен вопрос о том, в какой мере поэзия андеграунда является «авангардизмом»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

B

настоящем сборнике представлены доклады, прозвучавшие на международной конференции «Вторая культура. Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы». Организованная совместно Женевским и Фрибу르ским университетами, конференция прошла с 1 по 3 марта 2012 г. в Женеве и собрала исследователей из России, Швейцарии, США, Германии, Франции и Италии. Научная часть конференции сопровождалась культурной программой: два вечера были удалены авторским чтением стихов.

Целью конференции была попытка изучения «второй культуры» с разных точек зрения, для того чтобы определить ее место в контексте истории русской и мировой культуры XX в. Особенный интерес докладчиков вызвал вопрос о культурных моделях, на которые опирались представители «второй культуры». Неоднократно подчеркивалась преемственная связь между ленинградским поэтическим андеграундом позднесоветской эпохи и поэтическими течениями первой трети XX в. Как известно, многие поэты и писатели «второй культуры» сами обозывали себя наследниками Серебряного века (неслучайно, начало широкого бытования этого термина по времени совпадает с возникновением «второй культуры»), авангарда, ОбЭРИУ. В поэтических текстах ленинградского андеграунда отражается опыт предыдущих эпох, но их также отличает и ориентация на филологическое знание, на филологический образ видения мира и языка. Эта установка на преемственность, характеризующая, в той или иной степени, почти все творчество «второй культуры», стала предметом разностороннего обсуждения. В частности, был поставлен вопрос о том, в какой мере поэзия андеграунда является «авангардизмом»

Приложение № 7
Неэвклидовы начала¹

В голове образуется мистический образ какого-то города, начинают приоткрываться начала ирреальной топографии. Улицы, знакомые с детства, утрачивают прежние привычные черты, обретая новый облик. Когда попадаю в эти точки пространства, то всё становится зыбким, мерцающим. Магическая сила прошлого заставляет снова и снова возвращаться туда, где складывались элементы узоров грядущего орнамента. Стихия воспоминаний уносит к истокам сновидений, в тёмное царство Мнемозины.

Отправляясь опять и опять в безумную даль существования, в таинственное ничто фиктивного я, рассекаем водную гладь времени и созерцаем концентрические круги столетий.

Мы держим путь на Ничто.

(Б. Ванталов)

Марко Саббатини (Мачерата)

**«ОБВОДНЫЙ КАНАЛ»
В МИФОПОЭТИКЕ СЕРГЕЯ СТРАТАНОВСКОГО
1970–1980-Х ГГ.**

С

ВОЕОБРАЗНАЯ природа поэтического творчества Сергея Стратановского проявляется в контексте неофициального культурного пространства Ленинграда в начале 70-х гг. Обводный канал, район где автор вырос и прожил всю жизнь, играет особую роль в типологическом определении литературных героев раннего Стратановского. В описании судьбы маленького человека советской действительности метонимическое понятие «Обводного канала» Стратановского непременно развивает и актуализирует литературную мифологию Петербурга-Ленинграда. Кроме этого, топонимика канала связывается с самиздатским изданием литературно-критического журнала 80-х гг., приобретая еще большее мифическое и символическое значение в контексте так называемой «второй литературной действительности» города.

1. «И МНИТСЯ: Я — СОВСЕМ НЕ Я...»

В течение both гг., в период протеста и эстетического разногласия с советской властью, когда литературная жизнь молодых литераторов Ленинграда бурлила, Стратановский не писал стихи; несмотря на это, в студенческие годы он активно интересовался

¹ Ванталов Б. (Конструктор Б.) Слова и рисунки. Киев: Птах, 2010. С. 143.

поэзией¹. В начале десятилетия он посещал литературный клуб при Дворце пионеров, где «познакомился с Виктором Кривилиным, выдающимся поэтом, другом которого прошла через всю „жизнь»². Филологическое образование имело особое значение в биографии Стратановского; с 1963 по 1968 г. он учился на филологическом факультете Ленинградского университета, сначала на французском и дальше на русском отделении; здесь же посещал блоковский семинар под руководством профессора и поэта Дмитрия Евгеньевича Максимова. Глеб Семенов и Дмитрий Максимов являются главными учителями поэта Стратановского:

Считаю своим учителем Глеба Семенова, и еще по университету — Дмитрия Максимова. В 60-е гг. я оказался в его семинаре по Блоку. В то время на филфаке еще преподавал Владимир Пропп, и я посещал его семинар по фольклору. Глеб Семенов руководил Лито при «Союзе писателей». Однако это литературное объединение просуществовало недолго. В начале 70-х гг. Г. Семенов был вынужден закрыть Лито. Наверное, под давлением КГБ³.

Поэзия стала главным содержанием в биографии Стратановского только после окончания университета, в конце 60-х гг. Тогда фольклор, русский символизм, французская литература, античная философия, религиозные вопросы и история представляли собой важные интересы будущего автора, но для творческого вдохновения решающую роль сыграло определенное историческое и по-

литическое событие — «Пражская весна»¹. Стратановский начал писать стихи после августа 1968 г., под впечатлением «акта агрессии» советских танков в Чехословакии. Поэт трагически ощутил разочарование в кровавом империализме власти и в отсутствии либеральных реформ. У него, как у многих писателей того времени, признаки большой системы стали явными. У молодого поэта возник вопрос самоидентификации в контексте нового поколения протестующих молодых литераторов: «Кто я, чем я занимаюсь и какой смысл в этом»². Согласно словам Стратановского, «жизнь заставляла задуматься над экзистенциальными проблемами, и было желание выразить их как на языке поэтическом, так и на языке философии»³.

Страшнее нет — всю жизнЬ прожить
И на ее краю
Как резкий свет вдруг ощутить
Посредственность свою

Как будто ты не жил
Сольмира не глотал

И не любил, и не дружил
А только дни терял

Как будто ты существовал
В пол-сердца, в пол-лица
Ни бед, ни радостей не знал
Всем телом, до конца

¹ Сергей Стратановский // Лица петербургской поэзии: 1950–1990. Автобиографии. Авторское чтение / Сост. Ю. Валиева. СПб.: Искусство России, 2011. С. 329. Стратановский принадлежит к поколению детей войны. Он родился 5 декабря 1944 г. в семье петербургских интеллигентов. Его отец Георгий Андreeвич был филологом и переводчиком с древних языков; мать, Ольга Сергеевна Заботкина, преподавала французский язык в Ленинградском университете.

² Там же.

³ Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским (Санкт-Петербург 10 марта 2003) // Петербург столица русской культуры: В 2-х т. / Сост. А. д'Амелия. Saletto: Europa Orientalis, 2004. Т. 2. С. 247. Ср.: «Членами этого литературного объединения были и те же Кричулин и Игнатова, а также Тамара Буковская, Михаил Гуревич (Янков), Владимир Кривошеев, Борис Куприянов, Олег Охапкин, Татьяна Царькова, Петр Чайгин, Виктор Ширали и другие» (Сергей Стратановский // Лица петербургской поэзии. С. 329).

¹ «Поэтическая биография Стратановского определилась двумя фактограмами: бурной “пражской весной” 1968 и великолепием бывшей царскосельской культуры, на фоне которой эта “весна” переживалась. (...) Начав посещать литературное объединение при СП, руководимое Г. С. Семеновым, он нашел в нем много будущих товарищей по духу, с которыми и связал литературную судьбу (...). К этой же группе (...) можно отнести еще нескольких поэтов, в первую очередь Елену Шварц» (Арьев А. Стратановский Сергей Георгиевич (5.12.1944) // Люди и книги... Мемуары великих (<http://www.az-libr.ru/Persons/ooo/Src/0010/5cfde748.html> [дата обращения: 10.08.2012]).

² Иванов Б. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е — 1980-е годы // Самиздат Ленинграда. Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Северюхина. Сост.: В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. М.: НПО, 2003. С. 569.

³ Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 251.

И вот — поверь глазам
Как соль стоит стена
Ты был не тот, не сам
И словно соль — вина¹

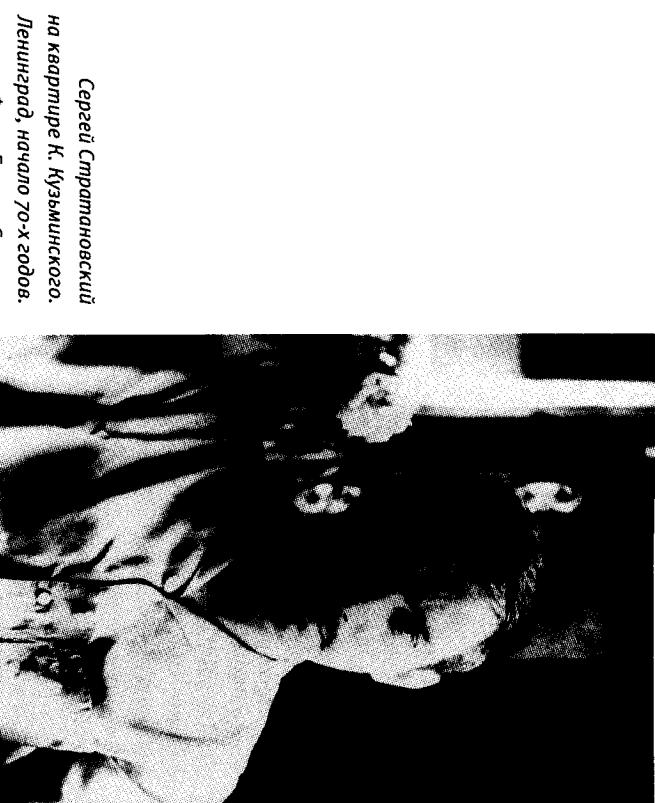
Ощущение страха имеет большое значение в первых произведениях поэта². Преодоление подобного внутреннего состояния человека может произойти только через воплощение этих самых чувств в поэтическом творчестве. В поэзии Стратановского множество примеров подобного восприятия творческого акта: в этом плаче, рядом с мотивами экзистенциализма, находим так называемые «религиозные мотивы» и метафоричность образа Бога.

Выбранные поэтом библейские фигуры и цитаты играют важную символическую роль. Нужно заметить, что в конце 70-х гг. в самиздате распространяется самый крупный сборник стихов Стратановского под названием «В страхе и трепете». В одноименном стихотворении библейская ссылка к труду «Страх и трепет» датского философа Сёрена Кьеркегора свидетельствует об особом отношении поэта к Богу:

Нас гладит Бог железным углом
Он любит нас с ожогами на коже
А мы скучим и жалуемся: «Боже
Ты был нам братом, сделался врагом» <...>³

По словам Стратановского, «Библия читается глазами советского человека. Но для меня в Новом Завете, и особенно в Ветхом Завете, важно это столкновение человека с вопросами бытия и его судьбы <...> но впечатление такое, что понятие небесного Бога далеко от человека. А мне в первую очередь важен человек. Судьба человека»⁴. Необходимо также обратить внимание на то, что для

¹ Стратановский С. «Страшнее нет — всю жизнь прожить...» 1968–1972 // Стратановский С. Стихи. СПб.: Ассоциация «Новая литература», 1993. С. 4.
² «Вторая культура» осознана себя как таковую именно в семидесятые. А происходило это на достаточно мрачном фоне, доминантой которого был страх. Был он, конечно, не таким сильным, как в сталинское время, но все-таки были» (Стратановский С. Семидесятые — преодоление страха // Пчела. № 12. 1998 (<http://www.rchela.ru/podshiv/12/ouegscoming.htm> [дата обращения: 11.08.2012])).
³ Стратановский С. В страхе и трепете // Стратановский С. Стихи. С. 106.
⁴ Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 248.

Сергей Стратановский
на квартире К. Кузьминского.
Ленинград, начало 70-х годов.
Фото Бориса Смеляова

советской цензуры религиозные мотивы Стратановского и всех неофициальных писателей того поколения относились к маргинальным явлениям «наряду с поисками новых форм, пессимизмом и переживанием угроз. Поэтому обращение к культурной традиции, к языку и символам Библии вполне органично сочеталось с иным мыслием, социальной маринадностью авторов и с авангардистским языковым экспериментом»¹.

Еще один важный момент в поэтике Стратановского — отношение к мифотворчеству. С одной стороны, поэт деконструирует, преобразует или разрушает старые мифы, а с другой стороны, пытается создать новую мифологию. С самого начала литературного пути он устанавливает социальную направленность собственного мифотворчества. Философские, культурологические и исторические мотивы в творчестве поэта необходимо рассматривать в социальном и историческом контексте, что доказывает, например, знаменитое

¹ Зубова Л. Свобода языка — выход из времени // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. Сборник статей / Сост. Б. Иванов, Б. Рогинский. СПб.: ДЕАН, 2000. С. 161.

■ Марко Саббагини (Мачерата)

стихотворение «Суворов» (1973)¹. В ранних стихах Стратановского приим мифотворчества и интеллектуального размышления смешиваются с описанием тоскливой нищеты несчастных героев. Согласно свидетельству самого автора, многие тексты подобного рода связаны с местом, неподалеку от которого он живет:

Это отрезок Обводного канала от Балтийского вокзала до Петергофского проспекта «...». Долгий этой части Обводного тянется мрачное, похожее на крепость, здание завода «Красный треугольник! Район этот, по обоим берегам канала, был для меня всегда концентрацией ущерба, заброшенности, богооставленности².

В самиздатском сборнике 1979 г. «В страхе и трепете» выделяется третий раздел стихотворений под названием «Обводный канал»³. Открывает этот раздел, включающий десять сочинений, одноименное стихотворение, написанное в 1969 г.:

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

А там — Главрыбы и Главхлеба
Немые, пасмурные души
А там промышленное небо
Стоит в канале
И боль все медленней и глуше
А ведь в начале

Эти стихи описывают томительное состояние лирического героя и передают его внутренние ощущения под впечатлением тяжелой атмосферы канала. Здесь также выделяется типичная композиционная природа поэзии раннего Стратановского на уровне лексики. Составные слова советского бюрократического языка (Главрыбы, Главхлеба, Главсоль, Продмагазинов), характеризующая «знаковую систему» Обводного канала, показывают всю отчужденность, одиночество и сюрреалистическое состояние главного героя²: «И буквы вывески Главсоль / Шагают по воде / И мнится: я — совсем не я».

В этих стихах Стратановского слышится интертекстуальное эхо знаменитого стихотворения Николая Заболоцкого «Обводный канал» (1928):

В моем окне — на весь квартал
Обводный царствует канал.
«...»
А вкруг черны заводов замки,
Высок под облаком гудок.
И вот опять идут мусстанги
На колоннаде пышных ног.
И воют жалобно телеги,
И плещет взорванная грязь,
И над катапултами спят калеки,
К пустым бутылкам прислонясь³.

¹ «...» в 1968 году танки вошли в Прагу, и поэтому стихотворение отсылает и к этому событию. События в Праге 1968 г. произвели на меня большое впечатление. Стихи в Праге о другой Праге, около Варшавы. Тема этого стихотворения — это имперская политика. Осмыслить такой феномен завоевания, подавления может быть. В 1985 его не опубликовали в «Круге» «...» потому, что оно было совершенно неприемлемо для цензуры. Но я читал эти стихи в 70-е годы устно. Я читал в друзеских компаниях, в литературных кружках и в Лито Виктора Сосноры. В Москве тоже это стихотворение было широко известно в разных кругах» (Интервью М. Саббагини с Сергеем Стратановским. С. 249–250).

² Там же. С. 250.

³ Стратановский С. В страхе и трепете. Избранные стихи 1968–1979. Ленинград, 1979. С. 22–31 (Бременский архив. Фонд «Рохтин» 30.53). Ср.: Стратановский С. Стихи 1975–1978 годов // Часы. 1979. № 16. С. 61–74 (Бременский архив. Фонд 5/2.01).

«Обводный канал» в мифопоэтике Сергея Стратановского... ■

Была такая боль ...
Дым заводской живет в канале
Чуть брезжит, чуть брезжит осенний день
И буквы вывески Главсоль
Шагают по воде

И мнится: я — совсем не я
Среди заводов и больниц
Продмагазинов, скучных лиц
Я стал молчанием и сором бытия¹

¹ Стратановский С. Обводный канал // Стратановский С. Стихи. С. 19.

² Иванов Б. Литературные поколения в ленинградской неофигуральной литературе. С. 574–575.

³ Заболоцкий Н. Столбцы. Л.: Издательство писателей Ленинграда, 1929. С. 53–54.

■ Марко Саббатини (Мачерата)

Произведения Заболоцкого, включенные в сборник «Столбцы», повлияли на ранние стихи Стратановского¹. Кроме этого, существуют другие произведения и судьбы выдающихся петербургских писателей ХХ в., связанные с Обводным каналом: данный мотив присутствует у Федора Сологуба, Иннокентия Анненского, Алексея Крученых («Смерть художника», 1913), Константина Вагина («Козырная песнь», 1927), Георгия Иванова («У входа в бойни, сквозь стальной туман...»), 1951), характеризует молодые годы Иосифа Бродского² и появляется в стихах современников Стратановского — Тамары Буковской («Воздух движется свободный...», 1966) и Виктора Кривулина («Обводный канал», 1971):

Сумерки. Дождик частит.
Тусклые вспышки на черном.
Тускло зрачок твой блестит,
влагой ли, элкой напит,
духом ли тронут плетворным
свалок, каналов, обид...³

Подобная литературная мифология связана с впечатлениями еще двух современников поэта, живших в этом районе, — Александра Миронова и Елены Шварц (см. ее стихотворения «Торговка», 1994, и «Обводный канал — маленькая элегия», 2007⁴), вместе с которыми Стратановский создавал символический «трегольник» поэтов Обводного канала⁵.

«Обводный канал» в мифопoэтике Сергея Стратановского...

Общее ощущение *краинности* и *маргинальности* — это то, что объединяет большинство вышеуказанных писателей и их текстов с мотивом канала у Стратановского, и это, в какой-то степени, соответствует истории и начальной цели Обводного канала, который еще в середине XIX в. представлял собой южную границу города¹. Но в петербургской поэзии ХХ в. это положение «живицы на краю» приобретает оттенок метафизического отчуждения лирического героя. Почти мистическая видимость поэта на грани глубокой меланхолии объясняется контрастом ландшафта Обводного канала с идеальной организацией пространства города. Петербург — город проспектов и каналов, и, по словам Андрея Белого в «Петербурге», «есть бесконечность в бесконечности бегущих проспектов»². В описании мрачных пейзажей Обводного канала впечатление усиливается мотивом *конечности* времени и пространства, тяжелой видимостью индустриального района и повседневной уродливости. Поэт не исключает мотива смерти, о чем свидетельствует следующее стихотворение:

На заводе умирали
Каждый месяц, чередой
Их портреты выставляли
В черных рамках, в проходной
И ручьями заводскими
В чистой подке покорон
Приезжал всегда за ними
Старый лодочник Харон

Через дождь, скучанье, горе
Сквозь надгробные слова

¹ О влиянии Заболоцкого на Стратановского см.: Левин А. Двухголовая теодицея с последующим ее опровержением // Знамя. 1995. № 7. С. 225–226.

² См.: Иосиф Бродский, Евгений Рейн. Человек в пейзаже. Интервью 1998 года / Подр. текста и прим. Н. Рейн // Арион. 1996. № 3 (<http://magazines.russ.ru/ariop/1996/3/rein.html> [дата обращения: 14.12.2012]).

³ Кривулин В. Обводный канал // Кривулин В. Стихи: В 2-х т. Ленинград — Париж: Беседа, 1988. Т. 1. С. 38.

⁴ «Здесь мы, а там уж мир иной. / Канал Обводный, мерзлый, тускливый, / Мир очертил чёртой стальной — / Как будто вымечтан эгруском / Солнцетекущий змей большой» (Шварц Е. Перелетная птица. Последние стихи. СПб.: Пушкинский фонд, 2011. С. 12).

⁵ Это свидетельство самого Стратановского; имеется в виду параллелизм с заводом резиновой продукции «Красный Треугольник», одним из старейших промышленных символов Санкт-Петербурга, расположенным на Обводном канале.

¹ «Строительство канала началось в 1803 году [...] Канал предназначался для отвода воды во время наводнений [...] а также для транспортного обслуживания расположенных на его берегах промышленных предприятий. Это последнее обстоятельство определило отношение к каналу петербуржцев. Канал был грязен, замусорен отходами производства и, кроме того, ассоциировался с тяжелым изнурительным трудом. Его называли "Городской ров", или "Канава". [...] Со временем Обводный канал и в самом деле превратился в сточную канаву с дурным запахом и дурной славой» (Синдаловский Н. От дома к дому... От легенды к легенде... СПб.: Норинт, 2001. С. 356–357).

² Цит. по: Топоров В. Петербургский текст русской литературы. Москва: Прогресс Культура, 1995. С. 291.

■ Марко Саббатини (Мачерата)

Упливали души в море
Там — Блаженных острова¹

Души умерших ударников уходят вглубь по каналу, и ссылка к лодочнику Харону мгновенно заставляет читателя провести параллель между Обводным каналом и Стиксом, рекой древнегреческой мифологии². Эти стихи еще раз доказывают, что «у Стратановского не мрачный быт облагораживается архаикой, но архаика приобретает черты мрачного быта»³.

Итак, в русле поэтической традиции города находит место особый вид «маленького человека» Стратановского: это — советское представление Сизифа, это жертва нового быта, где доминируют чувства боли и одиночества:

Ленинградская лестница, щи, коммунальная дверь:
<...>
Там женщина плачет в смятенье и горе,
В норе бытия без любви и без света.
И ни единственным словом не согрета⁴.

Другой показательный пример подобного (анти)героя — это мучащийся пролетарий с его ужасной судьбой в пленау скуки бытия. В духовном взоре этого жалкого, некрасивого, безобразного, грубо-го героя присутствуют только «щеки, трубы, человечки» и, кажется, больше ничего:

В заключительных строках стихотворения выделяется также прием лиризации с иронической наглядностью, благодаря которому прежде описанное, тяжелое психофизиологическое состояние ленинградского антигероя находит в метонимическом виде «уходящей мочи» единственное, долгожданное, хотя временное и мельчайшее, освобождение:

А моча уходит в реки,
А после в Неву и море
В огромное, чистое море
Где чайки кричат над водой⁵

Аналогичные примеры лиризации и романтизации убогой жизни в промышленном облике Обводного канала находим в стихах «Так уходит земля...» (1972):

Квартал у железной дороги
С дымами заводов своих

Сквозь сон мочащийся Сизиф
Чернорабочий, такелажник
Жалок он и некрасив
Был набит его бумагник
Квартальной премией,
но скучу бытия
Почувствовав, все пропил сразу <...>¹.

Этот пьянистующий Сизиф, живя в бессмысленной действительности, одновременно является жертвой бытия и заразой для общества. Поэт описывает с трагической иронией эту двойную парадоксальную судьбу антигероя:

- 1 Стратановский С. «На заводе умирали...» 1970 // Страгановский С. Стихи. С. 20.
2 Рогов О. О поэзии Сергея Стратановского (Очерки русской неподцензурной поэзии второй половины XX века. Статья вторая) // Волга. 1999. № 9 (<http://magazines.russ.ru/volga/1999/9/togov-pr.html> [дата обращения: 12.07.2012]).
3 «Водяное Сердце Стратановского. Сквозь мрачный быт становится видна архаика. Не облагороженная пересказами Древняя Греция, а настоящая жестокая действительность мифа. Река непрозрачная» — Обводный канал, издавна самая грязная река Петербурга. Но это еще и Ахеронт, река мертвых, потому и вода в ней непрозрачная, потому и плавает по ней голова Орфея. Он пел в подземном переходе, потому, как раз и спускался под землю в царство мертвых» (Елисеев Н. Борьтотание времени (О стилях Сергея Стратановского) // Арион. № 3. 2010 (<http://magazines.russ.ru/arion/2010/3/e122.html> [дата обращения: 11.09.2012])).
4 Стратановский С. «Ленинградская лестница...» 1975 // Страгановский С. В страхе и трепете. Избранные стихи 1968–1979. С. 29.

¹ Стратановский С. Мочащийся пролетарий 1971 // Страгановский С. Стихи. С. 24.
² Там же.
³ Там же.

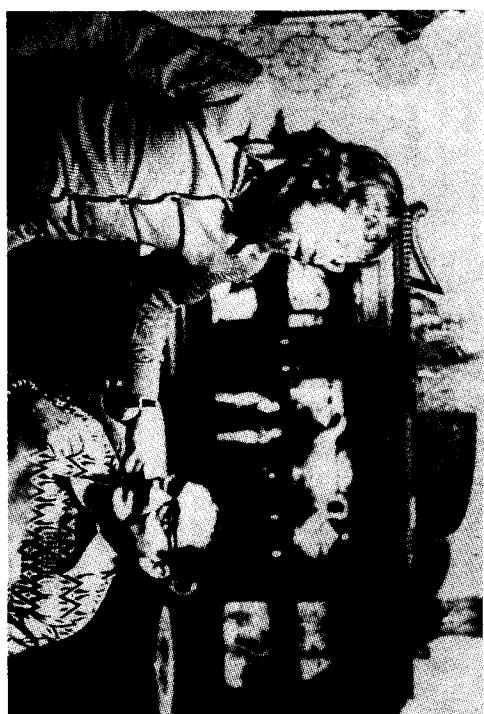
Как там вечерами красиво:
В полнеба бездомный закат <...>¹

Здесь мифологическая фигура снова ассоциируется с судьбой героя: «Какой-то безумный рабочий / И бессмысленный Орфей». В стихотворении «Лубочная картинка» (1971) жалкий рабочий опять играет главную роль на сцене *неприглядной картины* города. Только любовь и алкоголь спасают этого пустяка природы от боли и тяжести жизни. Здесь, во второй части текста, ирония и лиризм связывают Нину, желанный женский образ, с мифологемой Эроса:

ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА

И сквозь заборы и заводы
Шумят с рассветом поезда
Едет утром на заводы
Человек — пустяк природы
И дрожит сквозь непогоды
Близорукая звезда
Ночью Эрос, ночью Нина
Утром холод и завод
Непривлекательная картина
Неприветливый народ
Будни жизни, бремя боли
Лишь у Нины другой
Ты в любви как в алкоголе
Обретаешь свет земной²

Во многих стихах из цикла «Обводный канал» автор сохраняет дистанцию между собой и изображаемым, «но не доводит абсурд до смешного»³. Вообще в поэзии 70-х гг., наряду с усилением восприятия философской и религиозной тематики, Стратановский сумел внести

Лев Рубинштейн и Сергей Стратановский.
Ленинград в середине 1970-х годов.

игровое начало, способное воспроизвести тонкую иронию и сарказм в описании абсурдной и иногда жестокой реальной жизни¹. В совмещении мифологизации и реализма «обыденное интеллигентское сознание»² Стратановского показывает всю несовместимость Петербурга-Ленинграда с мыслившим и чувствующим человеком, невозможность жить в нормальных условиях в этом городе³. Вдоль каналов Ленинграда поэт описывает парадоксальную судьбу человека-моста («Мост от рождения до могиль»); в стихотворении «Социологический трактат о феномене алкоголизма» (1971) бывший советский «маленький герой», типичный продукт коммунистического общества, потеряв сущность бытия в алкоголе, нашел забвение и, наконец, себя самого:

¹ Стратановский С. «Так уходит земля, от которой рождаются боги...» // Стратановский С. Стихи. С. 25.

² Стратановский С. Лубочная картинка // Стратановский С. Стихи. С. 24–25.

³ «Он ставит перед нами беспощадное кривое зеркало (на которое “нече петь”, ибо кривизна его является нашей собственной) и вместе с нами отражается в этом зеркале» (Левин А. Двухголовая теодицея с последующим ее опровержением. С. 226).

¹ Кривулин В. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 102.

² Ср.: Мамонтов К. Пoэзия С. Стратановского // Обводный канал. 1981. № 1. С. 129–130.

³ «Да, в этом городе жить невозможно, и нечто подлинное, последний остаток человеческого противстует против него, и все-таки люди этих убеждений и чувств жили в Петербурге, продолжали жить (...)» (Топоров В. Петербург и Петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Топоров В. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПб, 2003. С. 13).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ
О ФЕНОМЕНЕ АЛКОГОЛИЗМА

Мы чудесно спасаемся пустот бытия!

И тоску, словно черствую булку

Алкогольным ртом жуя

Человек ползет по переулку

Трактует всеми как свинья

А некогда его портреты в цехе

Сияли гордо и красиво

Он жил, радея за успехи

Родного коллектива

Была квартира и семья

И сыновья учились в школе

на диалектиков

Он потерял и в алкоголе

Нашел забвенье и себя

О ты феномен отчужденья

Сизифо-жизнь, никчемный труд

Живут дома как наважденья

Каналы мутные текут (...)¹

В этих стихах тоже, как часто встречается в цикле «Обводный канал», несчастный человек ищет утешение от *тошноты бытия* в алкоголе. «Феномен алкоголизма» похож на единственный путь к спасению от пустоты бытия и к освобождению от советской действительности. Здесь поступки человека ведут не только к отчуждению от общества, но и к самоуничижению. Жизнь для советского антигероя превращается, пожалуй, еще больше в абсурд, в *Сизифо-жизнь*. Личность этого *ничтожного человека-моста* блуждает между петербургским текстом («живут дома как наважденья / Каналы мутные текут») и ленинградской действительностью («Здесь Ленэнергии; Ленсвет, Ленгаз, Ленмоэт». Эхо заклятия царицы Евдокии «Петербургу быть пусту»² угадывается в следующих строках:

¹ Стратановский С. Социологический трактат о феномене алкоголизма // Стратановский С. Стихи. С. 22–23.

² «Петербургу быть пусту» — формула типологически и, вероятно, генетически восходит к пророчеству «*Чниги Иеремии*» (гл. 51, ст. 42–43), где предсказывается гибель и погопление Вавилона. Нам известно два круга документальных источников, зафиксировавших

О Ленинград — земля пустая
И нелюбезная народу

Здесь мугут черти из Китая

В каналах медленную воду

Здесь Ленэнэргии; Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг

Сосут вампирами пустыми

И ты сгибаешься под ними

Ничтокийный человеко-мост

Мост от рожденья до могилы

Через каналы и дома

Сквозь свет нелепый и немильный

Сквозь годы в мире несчастливом (...)¹

Неологизмы и словосочетания в духе бирократических со-
ветизмов характеризуют язык Стратановского²: часто это сло-
ва, соединяющие несоединимое, означающие живое и неживое
и, являясь ясным приемом спорреалистического стиля, имеющие
«большой семантический потенциал»³. Синкретическое восприя-
тие языковых средств показывает всю силу метафорического и
лексического соединения человека и города «Ленэнэргии; Лен-
свет, Ленгаз, Ленмозг». Неологизм «Ленмозг» и словообразование
«человеко-мост», придуманные Стратановским, подчеркивают

это легендарное заклятие новой столицы. Первый — документы
доказывали, что Питербург не устоит за нами: ‘Бытьде ему пусту’
Устрилов Н. История царствования Петра Великого. Спб., 1859.
Т. 6. С. 457; документ, приведенный Устриловым, использовал С. М.
Соловьев в 17-м томе ‘Истории России’ (Конечный А., Кум-
пан К. Примечания // Анциферов Н. «Непостижимый город...»
Л.: Лениздат, 1991. С. 302).

¹ Стратановский С. Социологический трактат о феномене ал-
коголизма. С. 23.

² См.: Зубова Л. Современная русская поэзия в контексте исто-
рии языка. М.: НЛО, 2000. С. 362–368. См. также интересный при-
ем в стихотворении «Стеклотару дают, небогару...» (1975) (Стра-
тановский С. Стихи. С. 26).

³ «Советский язык активно использовал этот прием и еще прием
сокращения слов (например, жилплощадь — жилая площадь, ком-
андив — командир дивизии, колхоз и т. д.). До революции было го-
раздо меньше таких слов. (...) Да, эти слова, соединяя несоеди-
мое, являются моментом спорреализма для меня, значит живое и
неживое в одном слове» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стра-
тановским. С. 250).

идею метаморфозы. Помимо языковых авангардистских экспериментов, они отражают абсурдное начало и косвенно напоминают также метафорические превращения в духе Кafки¹. Гибридизация лексики выражает также интертекстуальность: «Сизифо-жизнь» ссылается на классический миф о Сизифе и на произведение Альбера Камю «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» (1942) – текст, в котором французский писатель развивает, в свою очередь, проблематику экзистенциализма и абсурда. Напомним, что в начале 70-х гг. Стратановский перевел с французского главу «Кириллов» из «Мифа о Сизифе»². Такому интересу к экзистенциализму, очевидно, способствовали причины, уходящие в самый быт подпольного, независимого писателя. В пограничном положении Обводного канала автор смог выразить всю драматичность, заброшенность, одиночество человека. Итак, в стихотворении о «феномене алкоголизма» повторное сравнение человека со свиньей завершает текст. Снова здесь антигерой советской действительности описывается как зараза для общества. Оптимистическая риторика героя социалистического реализма находит в итогах «Социологического трактата» Стратановского самое губительное, пессимистическое поэтическое сопротивление. В результате «необдуманного поступка» экзистенциального кризиса человек доведен до опустошенности, и он исключается из жизни общества: «Ползет тоскуя и блюя / Трактуем всеми как свинья / Как язва общества и мусор бытия»³.

Самым удачным примером высшего воплощения связи между экзистенциализмом и петербургским текстом, где поэт прекрасным образом синтезирует суть своей поэтики, является емкое и высоко символичное стихотворение «Геростраты» (1970–1971):

Автор включает себя в титул и начальное повествование текста через интертекстуальное совпадение и через не совсем осознанный прием. «А мы — Геростраты Геростратовичи / Мы — расстратчики / мирового огня». Корень —страт— также является анаграммой фамилии философа-экзистенциалиста Жан-Поля Сартра². Дело в том, что Стратановский написал эти стихи после прочтения рассказа Сартра «Герострат», включенного в сборник «Стена» (1939). Согласно словам поэта, «в стихах “Геростраты Геростратовичи” (...) происходит русификация отчества греческого героя Герострата. С ним связан мемориальный миф, история, он скожен храм. Еще у Сартра есть рассказ, где у главного героя есть комплекс неполноценности. Это комплекс Герострата. Я помню, прошел рассказ Сартра, и он произвел на меня впечатление. Я написал эти стихи, где есть совмещение античности и современности, есть непосредственно ленинградские реалии»³.

Поэтическая композиция данного стихотворения создается на уровне структуры фонетики, лексики и стилистики, столкновение которых производит умножение семантических разрывов. Мотив

1 См.: Саббатини М. «Ленинградский текст» и экзистенциализм в контексте независимой культуры 1970-х годов (семинары, самиздат и поэзия) // Петербург столица русской культуры. Т. 2. С. 239.

2 В стихотворении «Что же ты, головотелый...» (1968) в последней строке появляется грамматический и лексический синкретизм «Насекомый человек», где очевидно присутствует намек Стратановского на «Превращение» Кафки.

3 «Де-то в начале 70-х я перевел с французского главу “Кириллов” из “Мифа о Сизифе” Камю. Я не знал тогда, что эта книга уже была переведена полностью ленинградским прозаиком Ридом Гравчевым и распространялась в самиздате» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 251).

³ Стратановский С. Социологический трактат о феномене алкоголизма. С. 23.

А мы — Геростраты Геростратовичи
Мы — расстратчики
мирового огня

Поджигатели складов сырья
И хранилицы плодовоющей
И вот со спичками идем

Осенний ночной, под дождем
Мы — разрушители вещей
Мы ищем страшного экстаза

А там, ужизни на краю
Живет она, овощебаза (...)

1 Стратановский С. Геростраты // Стратановский С. Стихи. С. 21.

2 Подробный анализ стихотворения «Геростраты» и его анаграмматических структур находится в статье: Саббатини М. «Ленинградский текст» и экзистенциализм в контексте независимой культуры 1970-х годов (семинары, самиздат и поэзия). С. 219–246.

3 «В советское время людей, работавших в научных институтах, раз в 3 месяца посыпали туда, где был кризис в организации работы. Обычно на овощебазы и в колхозы. Эта система просуществовала до 1986 г. Сбор овощей не был тяжелой работой и давал нам возможность уйти в отпуск пораньше. Это типичная советская реалия... сейчас не понять. Это социалистический прием» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 249).

пожара обващает на себя особое внимание¹; он противопоставлен петербургскому мотиву сырости, дождя и гниения, которые часто встречаются у Стратановского в забвении водной природы каналов и рек города². Геростраты, идущие на овощебазу со спичками, представляя собой литературных антигероев революции, выступают образами гротескными и абсурдными:

За Черной речкой, с небом рядом
Как Афродита с толстым задом
Овощебаба во хмеле
Оней мы грезили в постели
И вот она на самом деле
И роща пушкинской дуэли
Сияет рядом с ней
И Стиксов греческих черней
Здесь речка черная течет ...³

Овощебаза «за Черной речкой» находится рядом с местом «пушкинской дуэли» и является для поэта символом коллективного опыта работы. Лексическая интуиция «овощебаба» представляется собой метаморфозу и превращает мифологический образ красоты (Афродита) в советский образ убожества. Парадоксальный эrotический сон превращается в тот самый кошмар Евгения, героя пушкинского «Медного всадника»⁴:

Но тот, кто пел, был счастлив тот
Не умер тот и не умрет
Не для него, для нас течет
Забвений страшная вода
Осенней ночью, под дождем
Из жалкой жизни мы уйдем

Неведомо куда
Беги от ужаса забвений
Беги, как некогда Евгений
От бронзы скакущей по мусорной земле
Туда, где в слякоти и мгле
Лежит мочащаяся база ...¹

Подобно поэтическим аллюзиям Обводного канала², «страшная вода» Черной речки — «Стиксов греческих черней» — становится для Стратановского местом встречи мифа и разоблачения мифа, границей между смертью и жизнью, забвением и славой, романтическим Петербургом и застойным Ленинградом³. В отличие от цикла стихов «Обводный канал», в этом стихотворении поэт ссылается прямо на истоки литературного мифа «маленького человека», на «бедного Евгения» и «Медного всадника», и строит убедительный параллелизм с анонимной судьбой ленинградских «Геростратов».

В поэтике раннего творчества Стратановского прием мифологизации анонимной жизни советских маленьких людей существует об интересе к вопросам экзистенциализма. Мотивы отчуждения, крайности и безумия в жизни человека, выполненные в сюрреалистическом ключе, являются также важным источником в возрастающем диалоге между молодыми литераторами в контексте неофициальной культуры Ленинграда позднесоветской эпохи.

2. Место встречи «подпольной» культуры

В начале 70-х гг. места встреч и способы общения молодых ленинградских представителей неофициальной литературы становились все разнообразнее; все чаще они спонтанно собирались в символических для них местах: на Малой Садовой, в «Сайгоне»,

¹ В начале 70-х годов в Ленинграде возросло количество стран-ных умышленных поджогов.

² Ср.: Топоров В. Петербургский текст. «Природно-культурный синтез». Сфера смыслов // Петербургский текст русской литературы. С. 29.

³ Стратановский С. Геростраты. С. 21.

⁴ В середине стихотворения обращают на себя особое внимание аллитерации и палиндромическое начало: «И Стиксов греческих черней / Здесь речка черная течет / Но тот, кто пел, был счастлив тот / Не умер тот и не умрет / Не для него, для нас течет» (Там же).

¹ Там же.

² Ср.: «Приезжал всегда за ними / Старый лодочник Харон» (Стратановский С. «На заводе умирали...». С. 20).

³ Согласно мысли Виктора Кривулина, имя Черной речки стоит в ряду таких мифологических реальностей, как Стикс, Коцит или Ахерон. Это место, где закатилось «солнце русской поэзии», где пролегает граница жизни и смерти нашей культуры. И в то же время — она всего лишь Черная речка, узкий извилистый проток, замусоренный различными бытовыми и производственными отходами» (Кривулин В. Белый свет над Черной речкой // Вестник новой литературы. 1992. № 4. С. 206–207).

в литеобъединениях, в Публичной библиотеке, или в котельных, где многие из них работали, или же иногда организовали семинары в частных квартирах¹. Эта специфическая особенность расширения культурного пространства представляет собой необходимое условие для демократического и спонтанного развития «второй литературной действительности». Именно эти разнообразные кружки и квартирные встречи явились главным способом существования неофициальной литературы, предоставив возможность интеллектуальной независимости и spontанности для творчества многих деятелей «второй» культуры, в том числе и для Стратановского².

Один из первых кружков литературно-философского направления появился на Обводном канале, у молодого Сергея Стратановского, в квартире его отца – известного филолога- античника Георгия Андреевича Стратановского. Таким образом, этот район начал играть особую роль в альтернативном культурном пространстве Ленинграда. В 1970-м году молодым Сергеем Стратановским был организован первый семинар любителей древней философии. Вместе с ним постоянными участниками были Кирилл Бутырин, Александр Жидков, Николай Ильин (Мальцевский) и Евгений Пазухин. Как вспоминает Стратановский, русской философией в семи-

наре стали заниматься не сразу; сначала изучали диалоги Платона. В те годы в Ленинграде стал существовать еще один философский кружок – Татьяны Горичевой и Бориса Гроиса – с явной ориентацией на западную философию. Стратановский вошел в контакт с ними, и в разговорах с Горичевой возникла также идея нового семинара. В 1974 г. Горичевой был организован самый активный и популярный семинар. В те годы она была увлечена немецкой философией и вела также переписку с Мартином Хайдеггером. Продолжаю Стратановского:

Когда образовался Религиозно-философский семинар Горичевой и Кривулина, знакомство с экзистенциализмом перешло на другой уровень. Татьяна Михайловна Горичева читала на семинаре лекции о Хайдегере, Ясперсе, о диалектической теологии, много переводила и эти переводы публиковались в журналах «37» и «Часы»¹.

В 1975 г. Горичева вышла замуж за Кривулина, они вместе с ним и другом Львом Рудкевичем жили на Обводном канале, в номере «37» на Курляндской улице, 20, где находилась также маленькая мастерская художника Анатолия Белкина. Вот что вспоминает сам Белкин:

Мы с Галькой, матерью моей дочери, сняли квартиру на страшной улице, за Балтийским вокзалом «...». Район мрачный! Первый этаж... Спакал только аромат хлеба – там был неподалеку маленький хлебный заводик. Мы поселились в той самой квартире № 37, где в соседней комнате жили молодожены В. Кривулин и Т. Горичева².

Здесь раз в две недели, по пятницам, проводились многолюдные встречи религиозно-философского семинара; в середине девяностых эти неофициальные и открытые вечера стали важнейшим культурным событием для многих независимых литераторов и молодых интеллектуалов. В семинаре стремились преодолеть границу подцензурных мотивов западной философии и литературы, чтобы вести более открытый диалог с официальной советской культурой. Параллельно с семинаром Горичевой какое-то время существовал еженедельный филологический семинар «Культура

¹ Об этом см.: Кривулин В. Двадцать лет неофициальной поэзии. (Предварительные заметки) // Часть. 1979. № 22. С. 243. Возникли неофициальные собрания самого разного рода: литературные, филологические, политические, философско-религиозные, научно-популярные, театральные, полушиговые. См.: «От домашних точек неофициальной культуры расстекалась многоголосная карта подпольного Ленинграда. Квартиры К. Кузьминского на Красной улице, Юлии Вознесенской на Жуковской улице, Сергея Мастова на Кирочной улице, Елены Шварц на Школьной улице, Сергея Стратановского около Обводного канала, В. Кривулина и Т. Горичевой на Курляндской улице стали привилегированными местами встреч для молодых писателей и художников» (Саббатини М. «Ленинградский текст») и «экзистенциализм в контексте независимой культуры 70-х годов. С. 225).

² «Впрочем, литературные салоны не играли особой роли в наше жизни, гораздо важнее были дружеские кружки. Я часто бывал у Кирилы Бутырина в Царском Селе, где собирались Андрей Арьев, Борис Роггин, Сергей Стратановский и Александр Жидков, потом много лет – у поэтессы Елены Пудовкиной. В этот кружок входили Стратановский, Олег Охапкин, поэтессы Елена Дунаевская, Елена Бариновская, Алла Минченко и другие» (Игнагова Е. Не только о «Сайгоне»... // Сумерки «Сайгона» / Сост. и общ. ред. Ю. Валиева. СПб.: Затиздат, 2009. С. 190). См. также: Минченко А. Из книги «Имена ноосферы» // Там же. С. 235–245.

¹ Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 251.
² Белкин А. Угол Невского и судьбы // Сумерки «Сайгона». С. 195.

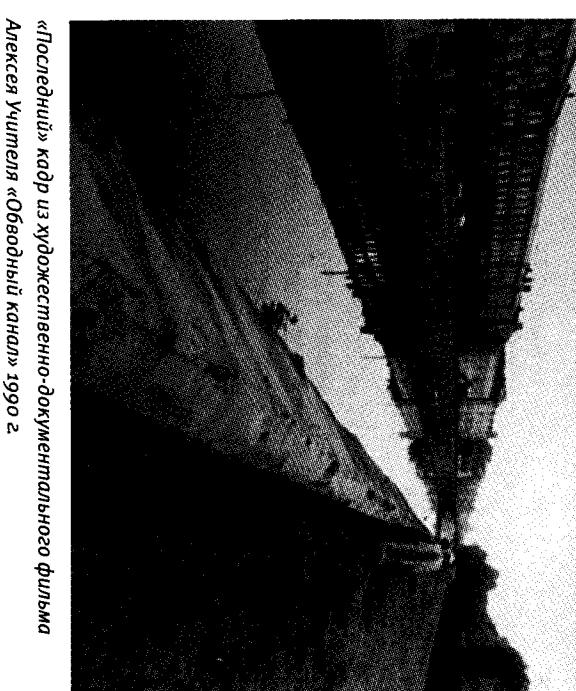
■ Марко Саббатини (Мачерата)

начала века и современное сознание», основанный Кривулиным осенью 1975 г. Он проходил по средам в квартире № 37, но продолжался только полгода¹. Стихотворение «Мастерская поэта» (1975), завершающее раздел «Обводный канал» в сборнике «В страхе и трепете», прекрасно ограждает утренние ощущения похмельного синдрома Стратановского после многолюдного семинара в мастерской № 37:

Утром портвейн, губы вяжущий
утварь в стекле помутилась
Стулья и стол чуть бормочущие
кошки мостами горбатятся
Студень очей несияющих
с хлебом черствым
с бояемной солью
Об пол желает грохнуться
посуда-самоубийца
Стены едва бормочущие
облиты ядом обойным
Только углом и не больно
чертнеющим как метафизика
О, написать бы на кошках
кистью бояемной «надежда»
На потолке, на полу, на ложках
Краской званияще-багровой
Краской залива восхода²

Это поэтизированное похмельное состояние в квартире поэта Кривулина и мастерской художника Белкина соответствует атмосфере богемного быта ленинградских компаний литераторов и художников, где пьянство служило «эстетическому» объединению всей молодой беспризорной интелигенции³. Публичный

эквивалент этой атмосферы можно было найти только в «Сайго-не». Удивляет, насколько, спустя более 30 лет, интереснейшие и чудные воспоминания Белкина о быте в мастерской соответствуют стихотворным впечатлениям Стратановского после семинара:

«Последний» кадр из художественно-документального фильма Алексея Учителя «Обводный канал» 1990 г.

¹ «В. Кривулин читал в основном доклады о малоизвестных и малозуученных авторах — П. Анненкове, А. Добролюбове, В. Комаровском, С. Надсоне, К. Случевском» (Саббатини М. «Ленинградский текст» и экзистенциализм в контексте независимой культуры 70-х годов. С. 229).

² Стратановский С. Мастерская поэта // Стратановский С. Стихи. С. 27.

³ Ср.: Вензель Е. Ленинград 70-х: пьянство как *modus essendi* // Пчела. № 12. 1998 (http://www.pchela.ru/podshiv/12/modus_essendi.htm (дата обращения: 15.12.2012)).

«...»

Я думаю: «Какой Ницше?! Какой Шопенгауэр?! Бедный Вильям Гёте, Кривулин был вынужден прекратить занятия филологического семинара и семинар Горичевой переместился в квартиры Вячеслава Долинина, Романа Цветова, Льва Большова и Евгения Пазухина. В 1980 г. Горичева эмигрировала на Запад и ее Религиозно-философский семинар прекратил существование.

Подводя итоги, можно сказать, что встречи на Обводном канале, у Стратановского в 1970 г. и у Кривулина с 1974 г., свидетельствуют об особом интересе независимых литераторов Ленинграда к русской религиозной философии начала XX в., современной европейской литературе и экзистенциализму². В са- миздате тех лет остались также сведения о докладах философско-го характера поэта Стратановского³. Но то, что происходит в се-редине 70-х гг., особенно после собраний на Обводном канале, имеет еще большее значение в контексте неофициальной поэзии и самиздатских изданий.

3. Кузница самиздата

Внимание к поэзии в независимой культуре являлось перво- степенным, и, когда в 1975 г. издательством «Советский писатель» был отклонен запрос выпустить антологию тридцати двух неофи- циальных ленинградских поэтов «Лепта» (среди них был Стра-

тановский), произошел символический разрыв с официальной культурой¹. Периодические издания, неофициальные антологии и сборники стихов отдельных поэтов еще больше распространялись после этого отказа в публикации.

Весной 1976 г. почти одновременно появились альманах Бориса Иванова «Часы» (1976–1990, с № 12 – журнал) и журнал «37» (1976–1981), название которого соответствовало номеру квартиры на Обводном канале, где жила редакция: Кривулин, Горичева и Рудкевич². Стихи Стратановского появились в «37», № 7/8 1976 г., и одновременно в девятом номере «Часов»³. Его произведения 1979 года публиковались в первом номере журнала стихов и критики «Северная почта» (под редакцией Сергея Дедолина и Виктора Кривулина)⁴. В четвертом номере журнала появилась первая критическая статья о поэзии Стратановского: под псевдонимом Александра Каломирова Виктор Кривулин рецензировал выше- названный самиздатский сборник поэта «В страхе и трепете»⁵. Третья книга Стратановского объединяла избранные стихи, написанные с самого начала его творческой деятельности до конца

¹ «В 70-е гг. мы стали более активными. Начали следить за другими группами, особенно за группами неофициальных художников и скульпторов, которые в Доме культуры им. Газа в конце 1974 г. устроили выставку. Это было после знаменитой “бульдозерной” выставки в Москве. И после этого мы задумали создать антологию неофициальных поэтов “Лепта”. Издательство “Советский писатель” отвергло наше предложение. Несмотря на положительную рецензию Майи Борисовой, против нас выступил П. Выходцев, профессор русской советской литературы, преподававший на филологическом факультете университета. Он написал отрицательную рецензию, и нам не удалось опубликовать антологию. В ее были включены и мои стихи тоже» (Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 247).

² Лев Рудкевич эмигрировал в Вену за четыре года до Горичевой – в 1977 г.

³ Стратановский С. Избранные стихи и поэмы // Часы. 1978. № 9. С. 151–166. Ср.: Кривулин В. «37», «Северная почта» // Самиздат: по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы» / Сост. В. Долинин, Б. Иванов. СПб.: Ниц-Мемориал, 1993. С. 74–75. Стратановский опубликовал также в «Часах», № 9 (1977), 16 (1978), 28 (1980), 39 (1982), 52 (1985).

⁴ Стратановский С. Стихи 1979 года // Северная почта. 1979. № 1/2. С. 27–36. Последний номер посвящен Александру Блоку: Стратановский С. На «мэлыку» Блока // Северная почта. 1981. № 8. С. 4.

⁵ Каломиров А. Третья книга Сергея Стратановского // Северная почта. 1979. № 4. С. 24–44.

«Обводный канал». На обложке журнала «Обводный канал» № 7, Ленинград 1985 г. Фото Бориса Кудрякова (Личный архив С. Стратановского)

семидесятых годов (многие стихи принадлежат первым двум самиздатским книгам поэта: «Избранные стихи» 1968–1972 гг. и «Вторая книга» 1973–1975 гг.). Девять разделов этого третьего сборника конца семидесятых дают повод Кривулину для размышления о творчестве Стратановского и о целом десятилетии:

Сборник объединяет стихи, созданные в основном в 70-е гг. Пока трудно говорить о том, что это было за время. Для целого поколения поэтов прошлое десятилетие оказалось порой творческой зрелости, — это несомненно, но до сих пор остается темным, каким образом и в чем эта зрелость проявилась. Это было десятилетие кризисное, промежуточное¹.

В начале 1981 г. другая и еще более широкая статья о Стратановском была написана Бутырыным (под псевдонимом К. Мамонтова) и опубликована в журнале «37», № 21, и несколько позже в переработанном и дополненном виде появилась в первом номере журнала «Обводный канал»². В 1980 г. вместе с Бутырыным Стратановский начал осваивать опыт самиздатских из-

«Обводный канал» в мифопoэтике Сергея Стратановского... ■

даний и выпустил три номера журнала «Диалог». После этого кратковременного опыта Бутырын и Стратановский, с участием Бориса Рохлина, создали новый и более солидный самиздатский литературно-критический журнал под названием «Обводный канал» (1981–1993). В нем отражены действия, мнения и оценки деятелей «Второй культуры» на фоне всех перемен 80-х гг. Десятилетие существования журнала охватывает последнее дыхание брежневского застоя, переходный период Юрия Андропова и Константина Черненко, реструктуру и гласность Михаила Горбачева до распада Советского Союза. Вышло 18 номеров, и во многих из них Стратановский опубликовал свои стихи, критические работы и полемические отзвывы, кроме этого участвовал в редакционной работе раздела поэзии. Идея журнала «Обводный канал» в основном принадлежит Бутырыну, но также благодаря Стратановскому раздел поэзии сыграл важнейшую роль и обеспечил успех этого издания в течение 80-х гг.¹ Таким образом, благодаря самиздату, Обводный канал нашел новый путь для мифологии, окончательно вошел в гогонимку подпольной культуры, в список самых символических мест неофициальной литературы Ленинграда.

Нужно еще заметить, что после прекращения существования «37» и «Северной почты» и для Стратановского сократилась возможность распространять свою поэзию в самиздате. В 1982 г. его стихи появились в самиздатской антологии ленинградской неофициальной поэзии «Острова»². Параллельно работая над журналом «Обводный канал», поэт стал также участвовать в «Клубе-81». Эта организация под эгидой советских структур официальной культуры и цензуры предоставила Стратановскому возможность нескольких публичных выступлений и чтений и лишь одной публикации в литературно-художественном сборнике «Круг», в конце 1985 г. В этой антологии поэт впервые мог увидеть свои произведения опубликованными в официальной печати³.

¹ Бутырин К. У истоков «Обводного канала» // Самиздат: по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С. 124–129.

² Стратановский С. Стихи // Острова. Антология ленинградской неофициальной поэзии / Сост. А. Антипов, Ю. Колкер, С. Нестерова, З. Шнейдерман. Ленинград, 1982. С. 247–259.

³ Стратановский С. Стихи // Круг. Литературно-художественный сборник / Сост. Б. Иванов, Ю. Новиков. Л.: Советский писатель Л.О., 1985. С. 204–207.

¹ Там же. С. 24.

² Мамонтов К. Поззия С. Стратановского. С. 128–194.

Мы с тобою и вправду родные.
Не отвертай же меня,
выслушай тихо меня»¹.

Физиопсихологическое состояние поэта отражено в лирическом герое последних стихов 80-х гг., опубликованных в 16 номере «Обводного канала» в 1988 г. Это является последней публикацией Стратановского в журнале; в начале следующего стихотворения одновременно вновь слышится эхо Ветхого Завета, а также аллюзия на тютчевское «Все отнял у меня казнящий бог» и на стихи Олега Охапкина «Все отнял у меня Господь»² — строки, всегда очень близкие поэтике Стратановского:

Бог отнял дар. Тяжела потеря.
Но я за жизнь цепляюсь, веря
что вспыхнет радуга венец
В моей душе еще мощней.

Ну а пока, все духи жизни
Как гости скорбные на тризне
Молчат не поднимая глаз

На что глядеть? Огонь погас³.

Мотив отношений между Богом и человеком и тема боли и страшний характеризуют многие стихи поэта до конца 80-х гг. Фигура Иова является отличным примером оправдания обыденности в поэзии Стратановского, о котором четко пишут Кирилл Бутырин и, несколько позже, Никита Елисеев⁴. По словам Бутырина, «у Стратановского религиозное отношение к миру сидит не в го-

лове, а в крови. Головою он — интеллигент, идеолог, проблематик, но вот по крови, по темпераменту своей Музы — подлинно потомок тех безвестных русских Иотов»¹. В конце 80-х гг. тяжелое жизненное и психологическое состояние поэта действительно не отличается от внутренних страданий героев в ранних его стихах.

4. «И вдоль канала Обводного...»

после Ленинграда

В 1990 г. кинорежиссер Алексей Учитель снял художественно-публицистический документальный фильм «Обводный канал», где «физиология» этого района города находит неожиданно оригинальное поэтическое выражение. Действие почти короткометражного фильма разворачивается в главных заведениях и публичных местах у Обводного канала, предназначенных для человеческого контакта и общения: в пивной, во дворах, в доме культуры, в духовной академии, а также в психиатрической больнице. Нить в рассказе режиссера о сумасшедшем районе постоянно прерывается под живым взглядом странных героев: простых людей, певиль, сумасшедших, поэтов и т. д. Одна из главных фильтров фильма — Виктор Кривулин; вместе с ним появляются другие представители независимой культуры тех лет, например Андрей Синявский, Мария Розанова, Александр Горюнов, Митяки. Алексей Учитель показал странный мир Обводного канала, где подозрительные личности на грани безумия будто бы живут в иной реальности². Безусловно, кинофильм способствовал развитию мифотворчества этого места на новом уровне. Стратановский, который в эти годы отошел от главных действий неофициальной культуры, не участвовал в проекте молодого кинорежиссера.

В 90-е гг., в контексте послесоветской России, когда поэт вернулся к творчеству, мотив Обводного канала не исчезает. С ним связаны «ностальгические» стихи 1996 г., где поэт передает

¹ Стратановский С. Депрессия (1988) // Обводный канал. 1988. № 14. С. 6.

² Охапкин О. Тяжелые крылья (1972) // Охапкин О. Стихи. Ленинград — Париж: Беседа, 1989. С. 160.

³ Стратановский С. Стихи // Обводный канал. 1989. № 16. С. 22.

В этом собрании присутствуют другое неизданное стихотворение (двойник) Стратановского «Бог отнял дар. Нечаянный подарок...» и изданные в 90-е годы известные стихи «Неукрести так называемая Духовность...» и «С болью наедине...» (там же. С. 23). Ср.: Стратановский С. Тьма дневная. М.: ИПО, 2000. С. 115, 117.

⁴ См.: Мамонтов К. Поззия С. Стратановского. С. 185. Ср.: Елисеев Н. Кипер-солоевой // История ленинградской неподцензуруной литературы: 1950-1980-е годы. С. 123.

«Обводный канал» в мифопоэтике Сергея Стратановского... ■
лове, а в крови. Головою он — интеллигент, идеолог, проблематик, но вот по крови, по темпераменту своей Музы — подлинно потомок тех безвестных русских Иотов»¹. В конце 80-х гг. тяжелое жизненное и психологическое состояние поэта действительно не отличается от внутренних страданий героев в ранних его стихах.

«Обводный канал» в мифопоэтике Сергея Стратановского... ■

Недотыкомку из романа «Мелкий бес», живущее в «террауиме коммуникаций»¹. Слово Газовый связывает его, с одной стороны, с газом, а с другой — с проспектом (улицей) Газа. Видимо, здесь Стратановский попытался создать еще один петербургский миф²:

Дом культуры и техники имени Карла Маркса на Обводном канале.
Кадр из художественно-документального фильма Алексея Учителя
«Обводный канал» 1990 г.

сюрреалистическую атмосферу района, вспоминая старые названия клубов дешевой пищи на задворках или «скверик у калошного завода» («Красного треугольника»):

Были клубы на задворках: «Бригантина»,
«Альянс», «Лисс» и «Зурбаган».
Словно из блаженного притина
к нам летели через трепетный туман
эти звуки невзвинченного мира
в чахлый скверик у калошного завода,
где алкашная скамейка, папиростка
и глоточек непротивного портвейна¹.

Тонкие лиризм и ирония ведут поэта «через трепетный туман» канала, чтобы вновь окунуться в то самое отстранение «маленько-го» человека 70-х гг., которое так характерно для молодого автора. В следующем стихотворении 90-х гг. «Безликий, Газовый...» изображено некое мифическое существо, похожее на соловьевскую

Безликий, Газовый

В террауиме коммуникаций

Под землею живущий

или в туманном канале

Мимо плавущий

Мимо заводов, больниц

Мерзопийц чуть бормочущих

У трохочущей улицы Газа

Безликий, Газовый:

не существо — пузырь

Землицы бросовой

Унылой жизни зыбь³.

Как показывают эти стихи, игровой принцип в восприятии символов Обводного канала подчеркивает ощущение сюрреальности и расширяет границы семантического слоя поэтического языка Стратановского. В стихах 90-х и нулевых гг., например тех, которые включены в книгу «На реке непрозрачной» (2005), в условиях современной России Стратановский не меняет своего отрицательного отношения к Петербургу:

Город мой... Серебристая мышь аполлонова
Все скребется в подполье...
А мне-то, наверное, заново
Жить придется по-страшному,
В декорациях прежних, покрашенных
Серой краской с подтеками⁴

¹ Федор Сологуб жил на Обводном канале в Багайском переулке (в начале XX в. Маятин переулок). Там жил также художник Истислав Добужинский, от которого остались изображения и рисунки Обводного канала начала 1900-х гг.

² Интервью М. Саббатини с Сергеем Стратановским. С. 251.

³ Стратановский С. Тьма дневная. С. 133.

⁴ Стратановский С. «Город мой...» (весна 2003) // Стратановский С. На реке непрозрачной. СПб.: Пушкинский фонд, 2005. С. 8.

Петербургский текст часто имеет свой подтекст в городском фольклоре, и, как известно, мифология Обводного канала связывается не только с литературным мифом Петербурга-Ленинграда, но и с преданиями и легендами о проклятом месте, о месте самоубийств, сумасшествия, насилия под воздействием темной силы¹. В непримечательном индустриальном и потустороннем мире загрязненного канала этот уровень мифологизации проклятого места под воздействием темной силы остается скрытым, недосказанным, или просто отсутствует.

В мифопоэзии Стратановского Обводный канал еще продолжает играть свою специфическую роль, одновременно представляя собой символическое столкновение мечты «маленького» человека с реальной жесткой действительностью и идеальное пространство для творческого вдохновения поэта. Именно «вдоль канала Обводного» устремление к творческому самовыражению Стратановского трагически совпадает с метафизической болью поэта и его ощущением забвения²:

И вдоль канала Обводного
Грохот машин болетворных
Грузовозов тоски,
и скимает, сжимает виски

Транспортное кольцо,
Исчезает лицо
а душа устремляется в море³

- Стратановский С. Стихи // Стихи поэтов // Обводный канал. 1981. № 1. С. 26–28.
Стратановский С. Подмигивающие ангелы. После вечера Александра Миронова // Обводный канал. 1983. № 4. С. 261–264.
Стратановский С. Письмо Стратановского Ю.А. Андрееву (1 февраля 1984) // Обводный канал. 1983–1984. № 5. С. 325–326.
Стратановский С. Вместо ответа на анкету // Обводный канал. 1983–1984. № 5. С. 261–262.
Стратановский С. Библейские стихи // Обводный канал. 1985. № 7. С. 36–41.
Стратановский С. Стихи / Стихи поэтов // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 19–20Д.
Стратановский С. Несколько слов о стихах Геннадия Айги // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 180–187.
Стратановский С. Черные игры (письмо к другу о новом литературном журнале) // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 195–198.
Стратановский С. Несколько слов о Хлебникове (вместо ответа на анкету) / Велимир Хлебников. Литературная анкета, посвященная столетию со дня рождения поэта // Обводный канал. 1986. № 9. С. 136–140.
Стратановский С. Нечто об авангардизме // Обводный канал. 1986. № 10. С. 293–300.
Стратановский С. Стихи // Обводный канал. 1987. № 11. С. 18–22.
Стратановский С. О Д. Е. Максимове и его стихах // Обводный канал. 1987. № 12. С. 11–12.
Стратановский С. Стихи 1988 года // Обводный канал. 1988. № 14. С. 5–6.
Стратановский С. Стихи // Обводный канал. 1989. № 16. С. 22–23.

¹ Ср. Синдаловский Н. От Петра до Петра, или Фольклор по обе стороны окна в Европу. Допетербургские страницы мифологии Петербурга // Нева. 2012. № 10 (<http://magazines.russ.ru:8080/neva/2012/10/s8.html> (дата обращения: 22.10.2012)).

² См.: Кривулин В. Сквозь призму боли и ужаса // Стратановский С. Тьма дневная. С. 181.

³ Стратановский С. «И вдоль канала Обводного...» (90-е гг.) // Там же. С. 132.

Приложение № 1
Библиографический список литературы
Сергея Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал»
(Из Бременского архива)

**Приложение № 2
«Обводный канал»**

Это собрание стихотворений Сергея Стратановского под названием «Обводный канал» является третьим разделом в са- миздатском сборнике автора «В страхе и трепете. Избранные стихи 1968–1979 гг.» (Ленинград, 1979). Этот сборник стихов представляет собой штоговый этап в творчестве Стратанов- ского 70-х гг. Книга успешно распространялась в неофициальной литературной среде Ленинграда и Москвы, получив в самиздат- ских изданиях положительные отзывы Виктора Криулина (под псевдонимом Александра Каломирова) в журнале поэзии и кри- тики «Северная почта» (1979, № 4) и Кирилла Бутырина, публи- ковавшегося под псевдонимом К. Мамонтова в журналах «37» (1980/81, № 21) и «Обводный канал» (1981, № 1).

В представленном здесь собрании сохраняется порядок расположения стихов на основе двух проверенных экземпляров, одного — из Бременского архива (фонд «Родлин» ЗО-53) и второго — из частного архива Стратановского. С согласия автора впервые публикуется стихотворение «Лестница Ленинграда...», написанное в 1975 г. Расположение и количество знаков препинания отличаются от опубликованных версий текстов в сборнике 1993 г. (Стихи. СПб.: Ассоциация «Новая литература». С. 128), но соответствуют последнему желанию автора.

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

А там — Главхлеба
Немые, пастурные души,
А там промышленное небо
Стоит в канале...
И боль все медленней и гуще,
А ведь вначале
Была такая боль...
Дым заводской живет в канале,
Чуть брезжит, чуть брезжит осенний день,
И букивы вывески Главсоль
Шагают по воде.
И мнится: я — совсем не я
Среди заводов и больниц,

1969

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ В СТИХАХ
О ФЕНОМЕНЕ АЛКОГОЛИЗМА

Мы чудесно спасаемся пустот бытия!

И тоску, словно черствую булку
Алкогольным ртом жуя,

Человек ползет по переулку
Трактует всеми как свинья.

А некогда его портреты в цехе
Сияли ордо и красиво.

Он жил, радея за успехи
Родного коллектива.

Была квартира и семья,
И сыновья учились в школе

На диалектиков,
но сущность бытия

Он потерял и в алкоголе
Нашел забвение и себя.

О, ты — феномен отчужденья:
Сизифо-жизнь, никчемный труд.

Живут дома как наважденья,
Каналы мутные текут.

О Ленинград — земля пустая,
И беспознанная народу.

Здесь смуглят черти из Китая
В каналах медленную воду.

Здесь Ленэнергии: Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг
Сосут вампирами пустыми.

И ты сгибаешься под ними —
Ничтожный человеко-мост
Мост от рожденья до могилы
Через каналы и дома
Сквозь свет нелепый и немилый,
Сквозь годы в мире несчастливом.

«Обводный канал» в мифопоэтике Сергея Стратановского ... ■
Продмагазинов, скучных лиц
Я стал молчанием и сором бытия

ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА

И птица над заливом
Летает как тюрьма.
Ей не дано свободы
Ее сожрет Китай.
Забеды и невзгоды!
Ей не обещан рай.

И человек по мостовой
С отяжелой головой
Ползет тоскуя и блюя,
Трактуем всеми как свинья,
Как язва общества и мусор бытия.

1971

МОЧАЩИЙСЯ ПРОЛЕТАРИЙ

1971

Сквозь сон мочащийся Сизиф —
Чернорабочий, такелажник.
Жалок он и некрасив.
Был набит его бумажник
Квартальной премией,
Но скруку бытия
Почувствовал, все пропил сразу.
Взяла милиция тебя
Как социальную заразу
И в вытрезвителье,
Мочасть сквозь небо ночи,
На свой завод, на прорву труб,
Ты лежишь, чернорабочий,
Безобразен, темен, груб.
И в твоем духовном взоре
Цехи, трубы, люди...
А моча уходит в реки,
А после в Неву и море...
В огромное, чистое море,
Где чайки кричат над водой.

1971

И сквозь заборы и заводы
Шумят с рассветом поезда.
Едет утром на заводы
Человек — пустяк природы,
И дрожит сквозь непогоды
Близорукая звезда.

Ночью Эрос, ночью Нина,
Утром холод и завод.
Неприглядная картина,
Неприветливый народ.
Будни жизни, бремя боли,
Лишь у Нины другой
Ты в любви как в алкоголе
Обретаешь свет земной.

***

Так уходит земля, от которой рождаются боги,
И приходят дома, где не будет вовек домовых:
Квартал Ужелезной дороги
С дымами заводов своих.
Как там вечерами красиво:
В полнеба бездомный закат.
И мочью всего жилимассива
Как божьей пятою примят
Какой-то безумный рабочий
И бессмысленный Орфей.
О, блуждающие очи
Развеселых пустырей

1972

■ Марко Саббатини (Мачерата)

***

«Обводный канал» в мифопоэзии Сергея Страгановского... ■

На заводе умирали

Каждый месяц, чередой.

Их портреты выставляли

В черных рамках, в проходной.

И ручьями заводскими

В чистой лодке похорон.

Приезжал всегда за ними

Старый лодочник Харон.

Через дождь, скучайе, горе,

Сквозь надгробные слова

Упывали души в море:

Там — Блаженных острова

1970

***

Стеколтару сдаст, небогату,

Бабогатру восторгов, надежды,

Бабогатру любви

с отпечатками скотства и пьянства,

Небогатру без неба, с остатками боли и яда

Богогатру пространства

с плотвой Иисусовой, с мусором

С метафизикой боли,

метафизикой зорь и надежды.

1975

***

Ленинградская лестница,

Ци, коммунальная дверь:

Провода от звонков:

Иванов, Розенцвейг, Иванов...

***

В шапке снега бескровного,
с холода,

зябкими пальцами спичку —

В коммунальную бестолочь, вымороочь,

в джунгли обид в коридоре.

Там женщина плачет в смятенье и горе,

В норе бытия
без любви и без света.

И ни единственным словом не согрета.

1975

Лампочка света разбитого,
поплыла в прихожей и шапки.
Здесь ли гражданка Корытова,
чины моральные принципы шатки?
Здесь ли Фома Маловеров?
Нет, он уехал в Канаду.
Грязных твоих фалангстеров
ему и задаром не надо.
В кухне огромные окна,
полные моря заката.
Ну а в уборной пятна
как европейская карта:
Видишь, вот Скандинавия,
Дания рядом как будто —
Родина доброинравия
и сексуального бунта.
О, сапоги рассохшиеся,
с комьями глины небесной,
кипящие метафизики
Фрайбургской, бесполезной.
О, языки смесившиеся,
как при строительстве башни,
кухонный с интеллигентским
в супе всеобщем, вчерашнем.

1975

МАСТЕРСКАЯ ПОЭТА

Йенс Херльт (Фрибуhr)

Утром портвейн, губы вяжущий,
утварь в стекле помутилась...
Стулья и стол чуть бормочущие,
кошки мостами горбатятся.

Студень очей несияющих,

с хлебом черствым

с бояемной солью...

Об пол желает грохнуться

посуда-самоубийца.

Стены едва бормочущие,

облиты ядом обойным,

Только углам и не больно

чернеющим как метафизика.

О, написать бы на кошках

кистью бояемной «надежда»,

На потолке, на полу, на ложках

Краской звенящей-багровой,

Краской залива восхода.

1975

K

**«ЧЕМ ТЫ И ДЫШИШЬ И ЖИВЕШЬ...»:
О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА КРИВУЛINA**

УЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ феномен ленинградской неофициальной поэзии безвозвратно ушел в прошлое 20 лет назад¹. Представители поэтического андеграунда Ленинграда продолжали и продолжают свою творческую и культурную деятельность, но социально-историческая обстановка, в которой создавалась поэзия «второй культуры», исчезла навсегда. Одновременно с исчезновением самого феномена возникли первые попытки его историзаци². Историзировать ее в историческом контексте – что, значит рассматривать ее в историческом контексте – что, разумеется, предполагает подбор, воспроизведение и высыпчивание этого контекста (или, скорее: этих контекстов – потому что их должно быть множество, в зависимости от перспективы исследователя). Дело историзации осложняется относительной недавностью исследуемых процессов: 20–40 лет – краткий срок, когда речь идет об истории литературы. Активно содействуют проекту историзации ленинградского андеграунда сами участники культурных процессов 1970-х – 1980-х гг. Неслучайно они были первыми, кто взялся за эту задачу. В то время академическое литературоведение еще не осознавало

1 Ср.: Савицкий С. Андерраунд. История и мифы ленинградской неофициальной культуры. М.: НЛО, 2002.
С. 7–8. Что касается временных рамок интересующего нас периода, мы придерживаемся периодизации, предложенной Марко Саббатини: с 1968 г. по 1991 г., когда Ленинград стал Санкт-Петербургом и окончательно распался Советский Союз. См.: Sabbatini M. «Quel che si metteva in tema». Cultura e poesia underground a Leningrado. Salerno: Università degli studi di Salerno, 2008. С. 16.

2 Савицкий С. Андерраунд. С. 8.

хах. Автор книги стихотворений «Нужно зачеркнуть» (Madrid, 2012). Живет в Санкт-Петербурге.

КОМАРОМИ АНН (Ann Komaromi) — профессор в Центре сравнильного литературоведения Торонтоского ун-та, автор многочисленных работ по проблематике неофициальной позднесоветской культуры. В частности, ее статьи публиковались в ж. «*Slavic Review*» и «*Poetics Today*». В настоящее время готовит к публ. монографию о неподцензурных романах В. Аксенова, А. Битова и Вен. Ерофеева.

КУКУЙ ИЛЬЯ — преподаватель Ин-та славянской филологии Мюнхенского ун-та Людвига-Максимилиана (LMU); автор монографии «Концепт “весь” в языке русского авангарда» (Мюнхен–Берлин–Вена, 2010), ряда статей о неофициальной советской культуре; составитель сборника «*Rückkehr ins Paradies. Leonid Aronzon: Untersuchungen, Materialien, Publikationen*» (Мюнхен, 2008; совм. с Р. Дёринг), а также собраний произведений Л. Аронзона, А. Волохонского, П. Зальцмана и др.

НИКОЛЬСКАЯ ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА — филолог, литератор; занимается русским и грузинским авангардом. Автор более 200 статей, частично вошедших в книги «Фантастический город» (М., 2000) и «Авангард и окрестности» (СПб., 2002). Живет в Санкт-Петербурге.

ОРИЛЦКИЙ ЮРИЙ БОРИСОВИЧ — доктор филологических наук, специалист по теории стиха и прозы и русской поэзии к. XX — нач. XXI вв., автор многочисленных статей и публикаций, связанных с творчеством Г. Алексеева, Г. Сапири, И. Холина и других поэтов, и трех книг, среди которых «Стихи и проза в русской литературе» (2002). Составитель и комментатор изданий А. Белого, И. Ильфа и др. С 1993 г. главный редактор ж. «Вестник гуманитарной науки» (М.). Куратор ежегодных российских фестивалей верлибра.

САББАТИНИ МАРКО (Marco Sabbatini) — доктор филологических наук, доцент ун-та Маечарата (Италия). Основные научные интересы: литература, теория XX в., русский модернизм, современная русская литература, неофициальная поэзия и самиздат Ленинграда. На эту последнюю тему, в частности о В. Кривулине, Е. Шварц, С. Стратановском, опубликовал ряд статей в ж. «НЛО», «Magazine Littéraire», «Europa Orientalis», «eSamizdat», «Studi Slavistici» и др. В Италии вышла книга «“Quel che si metteva in rima”. Cultura e poesia underground a Leningrado» (Salerno: Europa Orientalis, 2008). Перевел на итал. яз. стихи многих ленинградских поэтов.

САНДЛЕР СТЕФАНИ (Stephanie Sandler) — профессор в Гарвардском университете, автор статей и книг о русской литературе, в том числе «*Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet*» (Stanford, 2004), «*Далекие родости: Александр Пушкин и творчество изгнания*» (СПб., 1999), и переводчика современной русской поэзии: на англ. яз. перевела стихи Е. Шварца, О. Седаковой, А. Петровой, Е. Фанайловой (кн. Е. Fanaïlova, «*The Russian Version*»), 2009, получила премию Рочестерского ун-та).

СКИДАН АЛЕКСАНДР — поэт, критик, переводчик. Автор четырех книг по специальности русский язык и литература. Участник неофициального культурного движения 70-х — первой половины 80-х гг. Издавал совместно с К. Бутырыным машинописный ж. «Обводный канал». Стихи пишет с 1968 г. Первая публ. в парижском альм. «Аполлонъ-77» (1977). Первая публ. на родине — в 1985 г. в сб. литературного клуба-81 «Круг». Автор поэтических книг: «Стихи» (СПб., 1993), «Тьма дневная» (М., 2000), «Рядом с чечней» (СПб., 2002), «На реке непрозрачной» (СПб., 2005), «Оживление бубна» (М., 2009), «Вибо джуто» (Торино, 2009. На рус. и итальян. яз.), «Смоковница» (СПб., 2010), «Граффити» (СПб., 2011), «Иов и араб» (СПб., 2013). Лауреат многих литературных премий (Пастернаковская премия, 2004; премия А. Белого, 2010; премия Дж. Кардуччи, 2011).

ФРИДЛИ ВИОЛЕН (Violaine Friedl) — училась на филологическом факультете Женевского ун-та. Аспирантка, пишет диссертацию по творчеству Е. Шварц. С 2009 г. работает ассистенткой на кафедре русской литературы Женевского ун-та. Автор нескольких статей о Е. Шварц.

ХЕРЛТ ЙЕНС (Jens Hertl) — доктор филологических наук, профессор славянских литератур во Фрибурском ун-те (Швейцария). Научные интересы: русская поэзия XX века (О. Мандельштам, И. Бродский и др.), интеллектуальная история России и Польши XIX–XX вв., сербская литература XX в. Автор книги «*Ein Sänger gebrochener Linien. Iosif Brodskij dichterische Selbstschöpfung*» (2004), со-составитель сб. «*Stanisław Brzozowski 1878–1911*» (2011), «*Terrorism and Narrative Practice*» (2011), «*Authorité et modernité*» (2011), и автор ряда статей о русской и польской литературе,

■ Об авторах

В том числе «Особенности филологического самосознания в русской культуре ХХ века: Мандельштам, Розанов, Аверинцев» (Уч. зап. Казанского ун-та, 2011) и «В ожидании варваров: Иосиф Бродский и границы эстетики» (в сб. «Иосиф Бродский: проблемы поэтики», М.: НЛО, 2012).

ЦЕНДЕР КРИСТИАН (Christian Zehnder) — учился во Фрибуре и в Мюнхене. С 2008 г. работает ассистентом на славистике Фрибурского ун-та. Защитил диссертацию по Пастернаку в 2011 г. Занимается взаимосвязями литературы, философии и религии. Автор повестей «Gustav's Traum» (Zürich: Ammann Verlag, 2008) и «Julius» (München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2011).

ЦИТЦЕВИТЦ (ФОН) ЖОЗЕФИНА (Josephine von Zitzewitz) — научный сотрудник Нью Колледжа (Оксфордский ун-т, Великобритания). Исследует поэзию позднего советского периода, в особенности — поэзию ленинградской неофициальной культуры. Автор статей о В. Кривулине, А. Миронове, Л. Бородине и др. Сотрудник проекта «Reconfiguring the Canon of Twentieth-Century Russian Poetry, 1991–2008» (Exeter / Edinburgh).

ЭПСТАЙН ТОМАС (Thomas Epstein) — писатель, переводчик и литературовед, специалист по модернистской и современной русской литературе. Преподает в Бостон Колледже (США). Автор публикаций о русской культуре в разных областях (философия, искусство, кино, музыка), а также о русско-французских связях (см. статью «Tempted Shade: Camus's Dostoevsky» в кн. «The Originality and Complexity of Albert Camus's Writings», 2012). На англ. яз. переводил стихи А. Драгомошенко (последнее — поэму «Ludwig Josef Johann» в ж. «little Star», 2013, № 4), С. Завьялова, А. Скидана и др.

ЭРЛЬ [EARL] Владимир (литературное имя Владимира Ивановича Горбунова) — поэт, прозаик, текстолог. Автор трех стихотворных и стольких же прозаических книг. Печатается с 1965 г. (до 1989 г. в самиздате и за рубежом). Живет в Санкт-Петербурге. Под редакцией В. Э. (или при его участии) публиковались произведения Л. Аронзона, Конст. Вагинова, А. Введенского, Д. Хармса, а также А. Ника, Л. Богданова, С. Кековой, А. Крученых, А. Миронова и А. Хвостенко. Подготовил однотомное собрание произведений В. Кондратьева — «Показания поэтов: Сочинения и переводы».

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
I. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	
Томас Эпстайн	
Exiles on Main Street: Введение	
В ленинградскую неофициальную культуру	9
ЖАН-ФИЛИП ЖАККАР	
«Антимодерны» в стране советов:	
от авангарда к андеграунду	18
СЕРГЕЙ ЗАВЬЯЛОВ	
Ретромодернизм в ленинградской поэзии	
1970-х годов	30
АЛЕКСАНДР СКИДАН	
Превращение: Поэтические машины	
Александра Введенского	53
II. К ИСТОРИИ САМИЗДАТА	
Борис ИВАНОВ	
Самиздат — как инкубатор свободного слова	75
СЕРГЕЙ ДЕДЮЛИН	
«ТАМ БЫЛ ГОРОД...» «Северная почта»:	
из воспоминаний о реальном сотрудничестве	
редакции с поэтами и критиками	94
Приложение. Сергей Дедюлин, «Вместо дневника»	
[О Бродском, 1]	108
ЮЛИЯ ВАЛИЕВА	
«Поэты кафе “Сайгон”»	114

АНН КОМАРОМЫ	
«Митин журнал» и способ бытования текста	133
<i>Приложение. Самиздатские периодики</i>	
«Второй культуры» Ленинграда	151
ТАМАРА БУКОВСКАЯ	
«Самиздат» после «самиздата»	157
АЛЕКСАНДР ЖИТЕНЕВ	
Философия культуры Бориса Иванова	160
III. ПОЭТИКА	
ЮРИЙ ОРЛИЦКИЙ	
Строфическая уникальность ленинградской неподцензурной поэзии	175
ЛЮДМИЛА ЗУБОВА	
Поиски личного языка поэтами «Филологической школы» (Поэтика Леонида Виноградова и Михаила Еремина)	195
СТЕФАНИ САНДЛЕР	
Михаил Еремин пишет стихотворение «Перевод» . .	217
ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ	
Поэзия Алексея Хвостенко и ленинградская богема	224
ИЛЬЯ КУКУЙ	
Заметки о поэтике Анри Волохонского 1960-х гг. . .	232
ПЕТР КАЗАРНОВСКИЙ	
«Опыты нащупывания реальности»:	
О прозаических произведениях Вл. Эрля, А. Ника, Б. Ванталова / Б. Констриктора	251
<i>Приложения [цитаты]</i>	261
МАРКО САББАТИНИ	
«Обводный канал» в мифопоэтике Сергея Стратановского 1970–1980-х гг.	267
<i>Приложение 1. Библиографический список литературы Сергея Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал» (Из Бременского архива)</i>	301
<i>Приложение 2: Сергей Стратановский, «Обводный канал»</i>	302
ЙЕНС ХЕРЛЬТ	
«Чем ты и дышишь и живешь...»: О соотношении истории и культуры в творчестве Виктора Кривулина	309
КРИСТИАН ЦЕНДЕР	
Послание в бессовремене: Л. Аронзон и его жизнь после смерти в неофициальной поэзии Ленинграда 1970–1980-х гг. (случаи А. Альтшулера и Вл. Эрля)	328
<i>Приложение: Леонид Аронзон, «Послание в лечебницу» (1964)</i>	345
ЖОЗЕФИНА ФОН ЦИТЦЕВИТЦ	
Елена Шварц и Олег Охапкин: Пoesия как молитва?	346
ВИОЛЕН ФРИДЛИ	
Память и забвение в творчестве Елены Шварц . .	368
ПРИЛОЖЕНИЕ. СТИХИ	
АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО	
МИХАИЛ ЕРЕМИН	385
ВЛАДИМИР ЭРЛЬ	396
СЕРГЕЙ СТРАТАНОВСКИЙ	
ТАМАРА БУКОВСКАЯ	407
СЕРГЕЙ ЗАВЬЯЛОВ	414
АЛЕКСАНДР СКИДАН	418
ПЕТР КАЗАРНОВСКИЙ	449
СЕРГЕЙ ЗАВЬЯЛОВ	
АЛЕКСАНДР СКИДАН	453
ПЕТР КАЗАРНОВСКИЙ	466
Об авторах	471